

На правах рукописи

Диденко Анастасия Владимировна

**КАТЕГОРИЯ ИМПЕРАТИВА
В УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» на кафедре языков народов Сибири.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Володин Александр Павлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Недялков Игорь Владимирович

кандидат филологических наук
Коваленко Наталья Николаевна

Ведущая организация: Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск

Защита состоится 22 декабря 2006 года в 14.00 на заседании диссертационного совета К 212.266.02 при ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет» по адресу: 634041, г. Томск, Комсомольский просп., 75.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан « ____ » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Гальцова Н.П.

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена описанию и анализу средств выражения императивных значений в угорских языках: хантыйском, мансийском и венгерском. Предлагаемая работа носит сопоставительный характер: для исследования привлекается материал родственных языков.

Угорские языки принадлежат финно-угорской языковой семье, которая вместе с самодийскими языками образует уральскую языковую семью. Отличительный признак языков уральской семьи – словоизменение при помощи постпозитивных аффиксов, т.е. путем агглютинации.

Венгерский язык образует отдельную подветвь угорской ветви финно-угорской семьи, другую подветвь – обско-угорскую – образуют хантыйский и мансийский, с которыми венгерский состоит в ближайшем генетическом родстве. Разобщение предков венгров и обских угров произошло не позднее, чем в I тыс. до н.э., поэтому в настоящее время между венгерским, с одной стороны, и обско-угорскими языками, с другой, наблюдаются довольно глубокие расхождения. Позднее появление письменности и литературных языков способствовало укреплению как диалектных особенностей, так и иноязычных влияний.

Так, в венгерском языке обычно выделяют порядка восьми диалектных групп, в мансийском – четыре диалектные группы. В хантыйском языке насчитывают десять диалектов и говоров, которые принято делить на два крупных диалектных массива: западный и восточный.

Из народов, говорящих на угорских языках, пользоваться письменностью на родном языке раньше других начали венгры. Единый литературный язык сложился на основе северного диалекта в XVII–XVIII вв. Неудивительно, что их трех угорских языков именно венгерский наиболее полно исследован: детально описаны все уровни языковой системы, изучена история языка.

Письменность на хантыйском и мансийском языках существует с 30-х гг. XX в. Только в мансийском литературный язык сформировался на базе одного диалекта, в хантыйском языке единой литературной нормы не сложилось, книги и учебные пособия издаются на пяти диалектах. Отсутствие письменных памятников, связанное с поздним развитием письменности, и слабая степень изученности этих языков (самые ранние исследования датируются серединой XIX в.) затрудняют диахронический анализ языковых явлений в обско-угорских языках. Только учет существующих диалектных различий способствует установлению исторических закономерностей, влияющих на языковые процессы в хантыйском и мансийском языках.

Именно поэтому при описании императивных парадигм обско-угорских языков привлекался материал нескольких диалектов. В мансийском языке основу исследования составили сосвинский (северная группа), кондинский (восточная группа) и тавдинский (южная группа) диалекты. В хантыйском языке материальную базу составили: обдорский, шурышкарский, казымский, среднеобский (западная группа) и сургутский и вах-васюганский (восточная группа) диалекты.

Императивная парадигма обско-угорских языков специально не изучалась, средства выражения императивных значений 3 и 1 лиц до настоящего времени остаются почти не исследованными, диалектные различия, существующие в области средств выражения императива, не привлекали внимания ученых.

Таким образом, **актуальность** данного исследования заключается в том, что оно соответствует состоянию и потребностям лингвистической науки на сегодняшний день: существует необходимость заполнить лакуны в описании императивных парадигм обско-угорских языков.

Цель исследования – системное описание императива в угорских языках через сопоставление трех императивных парадигм.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать современные императивные парадигмы хантыйского и мансийского языков;
- 2) сопоставить императивные парадигмы венгерского и обско-угорских языков с учетом межъязыковых и междиалектных различий;
- 3) систематизировать типологическую характеристику императива угорских языков;
- 4) проследить изменения в рамках императивных парадигм в угорских языках от прафинно-угорского до современного состояния.

Объектом данного исследования являются императивные парадигмы в угорских языках.

Предмет исследования составляют синтетические и аналитические средства образования императива 2, 3 и 1 лиц в хантыйском языке в сопоставлении с мансийским и венгерским.

Научная новизна представленной работы заключается в использовании комплексного подхода к исследованию глагольных категорий на примере категории императива. В основу данного подхода были положены самые передовые идеи современного языкознания, а именно, эталонная парадигма императива и метод семантических карт, которые позволяют учитывать формы побуждения 3 и 1 лиц. Впервые подобное исследование проведено на материале исчезающих языков Сибири с учетом диалектных различий, являющихся

характерной особенностью этих языков, что в отсутствие письменных памятников остается единственным способом сравнительно-исторического изучения хантыйского и мансийского языков.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что впервые было проведено специальное сравнительно-сопоставительное исследование императивной парадигмы трех родственных языков. В результате были получены выводы, позволяющие не только представить детальное описание современных императивных парадигм обско-угорских языков, но и выявить закономерности, влияющие на ход развития императивных парадигм.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов исследования при подготовке лекционных и семинарских занятий по общему, сравнительному и финно-угорскому языкознанию. Материалы данного исследования, значительная часть которых впервые вводится в научный обиход, могут быть использованы при выполнении диссертационных работ, в научно-исследовательской деятельности аспирантов и студентов. Полученные результаты могут иметь прикладное значение при составлении пособий и справочников, а также создании электронной диалектной базы исчезающих обско-угорских языков.

Теоретической и методологической базой данного диссертационного исследования служат труды отечественных и зарубежных ученых по финно-угорским языкам, общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию. При определении специфики категории императива в ряду глагольных значений использовались идеи таких ученых как Дж. Байби, В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева и др. В работе используется авторская концепция императива В.С. Храковского и А.П. Володина, а также разработанные на ее основе эталонная парадигма и семантическая карта императива, созданная Й. Ван дер Аувера, В.Ю. Гусевым и Н.Р. Добрушиной.

Основными **методами** данного исследования являются описательный, сравнительно-сопоставительный, способствующий выявлению особенностей императивных парадигм трех родственных языков, и типологический. При сборе материала по тром-аганскому говору сургутского диалекта хантыйского языка использовалась традиционная методика полевых исследований, а именно, наблюдение, документирование и обработка языкового материала при помощи технических средств, метод лингвистического эксперимента, в частности, опрос информантов.

Материалом исследования послужили данные словарей и грамматических пособий хантыйского, мансийского и венгерского языков; художественные, фольклорные и публицистические тексты на хантыйском и мансийском

языках; полевые записи автора и других сотрудников кафедры языков народов Сибири, сделанные в местах компактного проживания ханты. Информантами по тром-аганскому говору сургутского диалекта хантыйского языка были жители пос. Русскинские Сургутского района Тюменской области А.Ф. Иконникова, З.В. Кирилишина, Е.Ф. Лебедич, А.А. Рускина, Т.А. Сайнакова, В.С. Тэвлина, Р.И. Тэвлина. По шурышкарскому диалекту хантыйского языка информантом была Т.А. Малахова.

Апробация работы. Положения, изложенные в работе, были представлены в докладах на следующих конференциях: 1) ежегодной региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (27–28 октября 2005 г., Институт филологии СО РАН г. Новосибирск); 2) Международном лингвистическом симпозиуме «Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии» (LENCA-3, 27–30 июня 2006 г., г. Томск), 3) Международной научно-практической конференции «Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся образовательном пространстве: теоретические и прикладные аспекты» (28 октября 2006 г., г. Томск); а также обсуждены 4) на научно-методическом семинаре аспирантов кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (10 октября 2005, г. Томск).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) Императивные парадигмы хантыйского и мансийского языков включают порядка 27 форм, из которых только формы 2 л. образуются синтетически, формы 3 и 1 лиц образуются аналитическим путем.

2) Межъязыковое сопоставление императивных парадигм показало, что в угорских языках существуют две модели развития императива: венгерской, которая использует эксплицитно выраженный суффиксальный маркер императива, и обско-угорской, которая использует нулевой показатель для выражения центральных форм (2 л.) и аналитический способ для выражения форм 3 и 1 лиц. Аналитическая конструкция образуется путем сочетания частицы неглагольного происхождения и форм индикатива, суффиксальный способ был унаследован угорскими языками от уральского языка-основы.

3) Типологическая характеристика, основанная на известной семантической карте императива, свидетельствует о том, что венгерская и мансийская императивные парадигмы являются более архаичными по сравнению с хантыйской.

4) На современном этапе развития в венгерской и хантыйской императивных парадигмах преобладает закономерность, согласно которой наблюдается редукция императивной словоформы.

Объем и структура диссертации: работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и двух приложений. Общий объем работы составляет 162 страниц машинописного текста, список литературы включает 157 источников, из которых 42 на иностранных языках.

Основное содержание работы

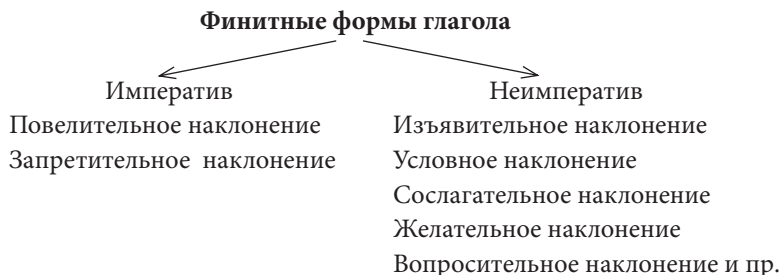
Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ее научная новизна, формулируются цель и задачи работы, выделяются объект и предмет анализа, раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту, характеризуется рассматриваемый материал и основные методы исследования.

В первой главе «**Трактовка категории императива в современной лингвистике**» содержится определение специфики категории императива в ряду глагольных значений и проблематичность описания императивной парадигмы, обусловленная связью данной категории с семантической зоной модальности. Неоднородность и обширность зоны модальных значений являются причиной того, что единого положения о структуре данной семантической зоны в современной лингвистике не существует. Проблема структурирования зоны модальных значений получила новый импульс для развития в середине XX в., связанный с появлением новых концепций, которые позволили по-новому интерпретировать тему императива.

Несмотря на то, что со второй половины XX в. интерес к императиву со стороны исследователей значительно возрос, данная тема остается слабо изученной. В сравнении с другими глагольными категориями анализу средств выражения императива посвящено весьма ограниченное число работ.

В современной лингвистике существуют две концепции императива, одна из которых – так называемая нетрадиционная – составляет теоретическую базу диссертационного исследования, в которую также входит и семантическая карта императива. Авторами нетрадиционной концепции и разработанной на ее основе эталонной парадигмы императива являются представители Санкт-Петербургской типологической школы – В.С. Храковский и А.П. Володин. Суть нетрадиционной концепции можно представить схематически (см. схема №1):

Схема № 1. Нетрадиционная концепция императива

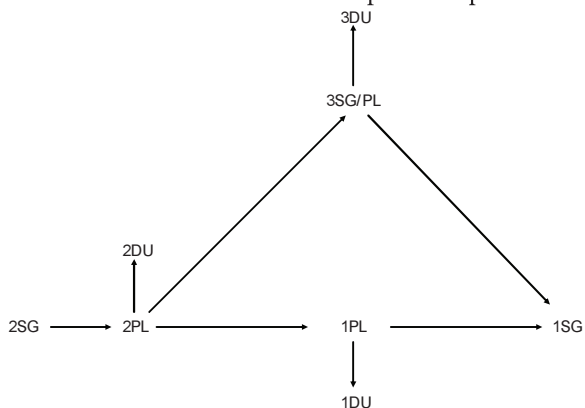
Согласно данной концепции императив по своему значению противопоставит всем неимперативным наклонениям. Кроме особой семантики императивных значений категория императива отличается от прочих финитных форм глагола тем, что реализует аппелятивную или призывную функцию, в то время как остальные глагольные формы выполняют коммуникативную. Самой главной особенностью императива является универсальность данной категории.

В отличие от традиционного подхода новая концепция предлагает учитывать императивные формы 1 и 3 лиц, которые традиционно считались примерами несобственного употребления языковых единиц. Разработанная на основе нетрадиционной концепции эталонная парадигма императива включает 8 форм и представляет собой максимальную реальную парадигму. Центр императивной парадигмы образует пара – формы 2 л. ед. и мн. ч., именно эти формы представлены во всех языках и наиболее четко выражают императивное значение. Остальные формы распределены по степени своей частотности: вторую пару образуют формы 3 л. ед. и мн. ч., третью – формы совместного действия (ед. ч. – *давай споем*, мн.ч. – *давайте споем*) и последняя пара – формы 1 л.

Семантическая карта императива, которая также входит в теоретическую базу исследования, была создана Й. Ван дер Аувера в сотрудничестве с российскими исследователями императива В.Ю. Гусевым и Н.Р. Добрушиной для проведения типологического исследования императивных систем 376 языков мира.

Однако для исследования императива угорских языков карта в том виде, в котором ее использовали для столь масштабного исследования, содержала избыточную информацию, так как иллюстрировала некоторые явления, не существующие в угорских языках, такие как тройственное число или эксклюзивные формы 1 л. мн.ч., поэтому нами была использована следующая карта (см. схема №2):

Схема № 2. Семантическая карта императива

В первой главе обобщается информация об истории развития императивной парадигмы в языках-основах, начиная с уральского состояния до праугорского.

Согласно данным исторического исследования морфологии финно-угорских языков, в уральском языке существовало два способа выражения императивных значений: маркированный (с показателем *-k) и немаркированный (используется только глагольная основа). В языках-потомках обнаруживаются следы и маркированного и немаркированного способов. Так, маркированный способ получил дальнейшее развитие в венгерском языке – считается, что современный показатель императива *-j* представляет собой вокализацию уральского *-k: (1) *vág-j* «режь», (2) *szól-jon* «пусть он говорит», также этот показатель сохранился в финском, эстонском, вепском и мордовских языках, например: (3) морд. *vano-k* «смотри», (4) фин. *anna-k* «дай».

Помимо унаследованных еще из прафинно-угорского периода двух способов развития императивной парадигмы, а именно – расширения сферы использования суффиксального типа и расширения немаркированной парадигмы – со временем финно-угорские языки стали приобретать формы императива по принципиально новым процессам: 1) образованием новых суффиксальных признаков. По данному процессу появилась форма побудительного наклонения в мордовских языках: ср. (5) эрз. *mora-3-an* «пусть я пою», (6) *mora-3-at* «пусть ты поешь», (7) *mora-3o* «пусть он поет». 2) образованием аналитического сочетания из вспомогательного компонента и смыслового глагола: (8) удм. *med munoz* «пусть он пойдет»; (9) вепс. *anda voikab* «пусть плачет»; (10) кар. *puś tuundai kod'i* «пусть идут домой»; 3) образованием супплетивной оппозиции путем использования глагола с другой корневой морфемой

(в сравнении с корневой морфемой глагола, используемого в форме изъявительного наклонения). В коми языке императивные формы глагола бытия (11) *ло* «будь», (12) *лоамӧй* «будемте», (13) *лоӧй* «будьте» развились на основе *лоны* «являться», «делаться», «становиться» (<ф.-уг. *lĕ- / *le-) и выступают как супплетивные к формам *ем* «есть», «имеется», *емӧсь* «суть», «имеются», (14) *вӧлі* «я был», (15) *вӧлін* «ты был» и т.д., которые образовались от другого корня (сам глагол *лоны* в определенных значениях спрягается в разных малых парадигмах, например, в формах будущего и прошедшего времен индикатива).

В угорских языках можно встретить 2-й и 3-й способы образования императивных форм, причем обско-угорские и венгерский языки развили разные модели на основе этих двух способов. Так, в венгерском языке оба способа получили крайне слабое выражение, в то время как в некоторых диалектах обско-угорских языков 2-й способ применяется достаточно широко, а 3-й способ не представлен вообще.

Вторая глава «**Императив венгерского языка**» содержит подробный анализ структуры, семантики и синтаксических особенностей императива венгерского языка. В этой же главе с помощью семантической карты дается типологическая характеристика венгерского императива и исследуются причины и дальнейшее направление развития процессов, наблюдаемых в императивной парадигме.

Ни в одном языке мира восьмичленной парадигмы императива, полностью соответствующей эталону, обнаружено не было. Количество форм в реальных парадигмах уменьшается за счет процессов редукции и синкретизации. Редукция представляет собой явление, при котором в реальной парадигме отсутствуют какие-либо формы, которые представлены в эталонной парадигме. Синкретизация – это такое явление, когда в реальной парадигме одна форма выступает вместо двух форм одной пары, т.е. одна форма способна выступать как форма и ед. и мн. ч. В случае венгерской императивной парадигмы синкретизация касается двух пар: форм совместного действия и форм 1 л. Таким образом, венгерская императивная парадигма содержит 6 форм, т.е. по количеству форм парадигма императива совпадает с парадигмой индикатива.

В современном венгерском языке глагол имеет два ряда спряжения: безобъектного и объектного. Категории времени, вида и залога на количество императивных форм не влияют, следовательно, максимальное количество словоформ императива равняется 12. Тем не менее, некоторые переходные глаголы имеют 13 словоформ в императиве. В качестве примера представлены императивные формы глагола *vágt* «ждать» в таблице № 1 и 2. В таблицах

форманты корня (R), показателя модальности (M) и лично-числового показателя (P) отделены друг от друга при помощи знака «-».

Таблица № 1

Сопоставление императивных и индикативных форм
безобъектного спряжения венгерского глагола *vár-* «ждать»

	Императив R M P	Неимператив (прошедшее время) R M P
1.	<i>vár</i> – j – ø «жди»	<i>vár</i> – t – ál «ты ждал»
2.	<i>vár</i> – ja – tok «ждите»	<i>vár</i> – ta – tok «вы ждали»
3.	<i>vár</i> – j – on «пусть он ждет»	<i>vár</i> – t – ø «он ждал»
4.	<i>vár</i> – ja – nak «пусть они ждут»	<i>vár</i> – ta – k «они ждали»
5-6.	<i>vár</i> – j – unk «давай(те) ждать»	<i>vár</i> – t – unk «мы ждали»
8-8.	(hadd) <i>vár</i> – ja – k «давай(те) буду ждать»	<i>vár</i> – t – am «я ждал»

Таблица № 2

Сопоставление императивных и индикативных форм
объектного спряжения венгерского глагола *vár-* «ждать»

	Императив R M P	Неимператив (прошедшее время) R M P
1.	<i>vár</i> – (ja) – d «жди»	<i>vár</i> – t – ad «ты ждал»
2.	<i>vár</i> – já – tok «ждите»	<i>vár</i> – tá – tok «вы ждали»
3.	<i>vár</i> – j – a «пусть он ждет»	<i>vár</i> – t – a «он ждал»
4.	<i>vár</i> – já – k «пусть они ждут»	<i>vár</i> – tá – k «они ждали»
5-6.	<i>vár</i> – j – uk «давай(те) ждать»	<i>vár</i> – t – uk «мы ждали»
7-8.	<i>vár</i> – j – am «давай(те) буду ждать» (<i>vár</i> – ja – lak) «давай(те) буду ждать тебя/вас»	<i>vár</i> – t – am «я ждал» (<i>vár</i> – t – alak) «я тебя/вас ждал»

В формах императива четко выделяется показатель императивного значения $-j$. На месте нулевой морфемы в форме 2 л. ед.ч. безобъектного спряжения $v\acute{a}r - j - \emptyset$ «жди» раньше был личный аффикс $-\acute{e}l$ (подобно форме индикатива $v\acute{a}r - t - \acute{a}l$ «ты ждал»), в настоящее время императивная форма с $-\acute{e}l$ является архаичной. Если обратиться к форме 2 л. ед.ч. объектного спряжения $v\acute{a}r - (ja) - d$ «жди», то в ней показатель императива дан в скобках, чтобы обозначить альтернативное употребление этой формы в разговорной речи без форманта модальности. На наш взгляд в данном случае имеет место редукция словоформы императива. В отличие от других форм, имеющих вид R+M+P, центральные формы императивной парадигмы выражаются словоформами: R+P или R+M. Таким образом, в современном венгерском языке существует закономерность, согласно которой наблюдается редукция центральной словоформы императива на один показатель.

Следует обратить внимание на форму 1 л. безобъектного спряжения (*hadd*) $v\acute{a}r - ja - k$ «давай(те) буду ждать»: в речи употребление частицы *hadd* с этой формой обязательно, что позволяет констатировать новый процесс образования императивных форм в венгерской парадигме, а именно использование аналитической конструкции, которая образуется сочетанием частицы глагольного происхождения (частица *hadd* < *hagyd* – 2 л. ед.ч. объектного спряжения императива от глагола *hagyni* «оставлять», «допускать», «позволять») и императивных форм смыслового глагола.

Приведенные в скобках формы 1 л. ед.ч. ($v\acute{a}r - ja - lak$) «давай буду ждать тебя / вас» и ($v\acute{a}r - t - alak$) «я тебя / вас ждал» употребляются только при дополнении, выраженном личным местоимением 2 л. ед. или мн. ч. Следует отметить, что венгерский глагол в объектном спряжении никак не выражает число объекта действия и нет никаких признаков того, что числовые различия выражались когда-либо прежде. Специальная форма для выражения 2 лица объекта (при субъекте в 1 л.) представляет собой особенность, резко отличающую венгерский язык и от хантыйского, и от мансийского языков. Глагол в обско-угорских языках не может выражать лица объекта вследствие того, что личные окончания объектного спряжения по своему происхождению не глагольные, а именные, т.е. оформляющие существительные. Существительные – всегда 3 л., а не 1 л. или 2л.

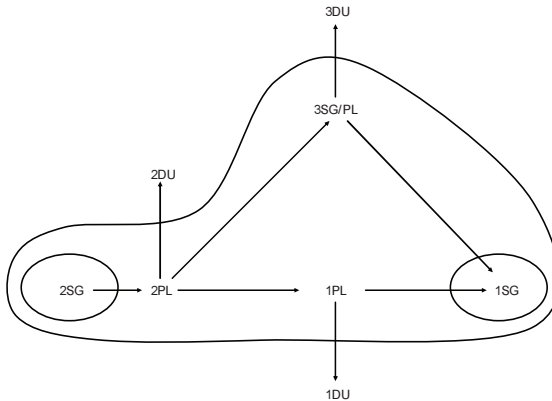
Все указанные особенности нашли свое отражение на семантической карте венгерского императива (см. схема № 3): были выделены формы 2SG (2 л. ед.ч.) и 1SG (1 л. ед.ч.). Выделение формы 2SG иллюстрирует редуцированный вид центральной словоформы. Форма 1SG выделена, чтобы отметить обязательное употребление этой формы в современном венгерском языке

с частицей *hadd* «давай», а также маркирование лица объекта – особенности, присущей только венгерскому и мордовским языкам.

Таким образом, все формы императивной парадигмы венгерского языка образуют на семантической карте исключительно однородное поле, которое включает две выделенные зоны в области двух полюсов – области 2SG (вершины императивной парадигмы) и 1SG (самой периферийной зоны парадигмы).

Схема № 3. Семантическая карта императива венгерского языка

Третья глава «**Императив в хантыйском языке**» содержит последовательное восстановление императивной парадигмы хантыйского языка до эталонной с привлечением языкового материала разных диалектов: западной (среднеобский, казымский, шурышкарский и обдорский) и восточной диалектных групп (ваховско-васюганский и сургутский).

В хантыйском языке, также как и в венгерском, глагол имеет два ряда спряжения: безобъектного и объектного. В отличие от венгерского категория числа представлена в хантыйском оппозицией: единственного, двойственного и множественного, таким образом, парадигматический ряд безобъектного спряжения включает 9 форм. С учетом числа объекта действия лично-числовых форм объектного спряжения оказывается в два раза больше – 18, т.е. максимальное количество глагольных словоформ составляет 27.

В хантыйской императивной парадигме синкретизация касается одной пары: форм 1 л. Таким образом, хантыйская императивная парадигма состоит из 7 членов, но 9 форм для безобъектного спряжения и 27 форм для объектного спряжения. Хантыйская императивная парадигма состоит из синтетических

и аналитических форм: формы 2 л. выражены синтетически, формы 3 л., совместного действия и 1 л. – аналитически.

Центральная пара представлена 3 формами: (примеры безобъектного спряжения) 2 л. ед.ч. – (16) (каз.) *вер-а* «делай» и 2 л. дв. и мн.ч. – (17) (каз.) *вер-атн* «делайте=дв.ч.» и (18) *вер-аты* «делайте = мн.ч.»; вторую пару образуют формы 3 л. ед., дв. и мн. ч. – (19) (срдноб.) *тыв ат арий-т* «пусть он(а) поет», (20) *тын ат арий-т-ангын* «пусть они(дв.ч.) поют» и (21) *тыв ат арий-т-ыт* «пусть они (мн.ч.) поют»; третью пару образуют формы совместного действия: для ед.ч. – (22) (каз.) *я, омас-л-умн* «ну, сядем мы (дв.ч.)» и для мн.ч. – (23)(каз.) *я, ман-л-ув* «ну, пойдём (мн.ч.)». Последняя пара (формы 1 л.) представлена одной формой – (24) (каз.) *я, ман-л-ум сар* «ну, пойдё-ка я», т.е. по количеству форм парадигма императива совпадает с парадигмой индикатива также как и в венгерском языке, однако по структуре и по содержанию императив хантыйского отличается от венгерского.

Мнения относительно пути развития синтетических форм императивной парадигмы хантыйского языка существенно расходятся. Так, П. Хайду утверждает, что в угорских языках показатель*-k вокализровался и, следовательно, рефлексом *-k можно считать хантыйский формант императива *-а, -ä, -i, -е*: (25) хант. (вост.) *жӧү-ä* «приди», (26) *жӧү-и-тәү* «придите»; (27) *тәж-и* «дай (его)», (28) *тәж-ä-ти* «дайте», (29) *тәж-и-läти* «дайте (его)»; (30) хант. (зап.) *тәп-а* «иди», (31) *рӧп-е* «положи (его)» и т.д. В мансийском языке, согласно П. Хайду, нет специального показателя императива; вероятно, существовавший ранее вокализовавшийся показатель вышел из употребления, и сейчас форма с личным окончанием употребляется и во 2 л. ед.ч. императива (например, *тин-еп* «иди»).

Мы же полагаем, что именно немаркированный способ стал ведущим в языках-потомках и наиболее точно он регистрируется в хантыйском и мансийском языках. Так, при сопоставлении форм 2 л. императива и неимператива можно убедиться, что форманты *-а, -э* являются частью лично-числового показателя и, следовательно, не могут служить маркером императива: ср. формы 2 л. безобъектного спряжения (каз.) *вер-атн* «делайте вы(дв.ч.)» и *вер-л-атн* «вы (дв. ч.) делаете» или формы 2 л. объектного спряжения (каз.) *вер-алн* «делайте вы(дв./мн.ч.) это/эти» и *вер-л-алн* «вы(дв./мн.ч.) делаете это/эти» (см. табл. № 3 и 4).

Особый интерес представляют формы 2 л. ед. ч. безобъектного и объектного спряжений, которые демонстрируют следующую закономерность: при переходе от индикатива к императиву словоформа редуцируется на показатель модальности. Например: (каз.) *вер-а* «делай» и *вер-л-ан* «ты делаешь» или *вер-э*

«делай это» и *вер-л-эн* «ты это делаешь». Кроме этого, именно в этих формах наблюдается еще одна закономерность, а именно редукция лично-числового показателя: ср. *вер-а* и *вер-л-ан* или *вер-э* и *вер-л-эн*. Формант *-н*, служащий маркером 2 л. (ср. местоимения *нӧӧ* «ты» и *нын* «вы»), отсутствует и в формах 2 л. мн.ч. безобъектного и 2 л. ед.ч. объектного спряжений: *вер-аты* «делайте вы(мн.ч.)» и *вер-алы* «делай эти (дв./мн.ч.)». Эти закономерности характерны и для западных и для восточных диалектов хантыйского языка: ср. (32) (сург.) *рӧп - а* «положи» и (33) *рӧп - ӧ - эн* «ты кладешь», (34) *рӧп - итӧу* «положите (мн.ч.)» и (35) *рӧп - ӧ - итӧу* «вы (мн.ч) кладете» или (36) *рӧп - е* «положи ты это» и (37) *рӧп - ӧ - е* «ты положишь это», (38) *рӧп - уӧӧа* «положи ты эти (дв.ч.)» и (39) *рӧп - ӧ - эуӧӧа* «ты положишь эти (дв.ч.)».

Между западнохантыйской и восточнохантыйской императивной парадигмой существуют различия. Для форм императива 2 л. в восточных диалектах характерно последовательное маркирование двойственного числа, в то время как западные диалекты двойственное число утрачивают.

Последовательное маркирование двойственного числа объекта в центральных формах императивной парадигмы ваховского и сургутского диалектов сближает восточнохантыйскую парадигму с императивом мансийского языка. Только в мансийском языке можно обнаружить такое же количество лично-числовых форм императива объектного спряжения, и двойственное число объекта маркируется в тех же формах с использованием идентичного форманта *-ү-*: например: (40) (сург.) *рӧп - уӧӧа* «положи ты эти (дв.ч.)», (41) *рӧп - уӧӧӧп* «положите вы (дв.ч.) эти (дв.ч.)».

Таблица № 3

Сопоставление императивных и неимперативных форм безобъектного спряжения хантыйского глагола «делать» (казымский диалект)

Субъект	Императив R P	Неимператив (настоящее время) R M P
2 л. ед.ч.	<i>вер - а</i> «делай»	<i>вер - л - ан</i> «ты делаешь»
2 л. дв.ч.	<i>вер - атн</i> «делайте вы (DU)»	<i>вер - л - атн</i> «вы (DU) делаете»
2 л. мн.ч.	<i>вер - аты</i> «делайте вы (PL)»	<i>вер - л - аты</i> «вы (PL) делаете»

Сопоставление императивных и неимперативных форм объектного спряжения хантыйского глагола *верты* «делать» (казымский диалект)

Субъект	Объект	Императив R P	Неимператив (настоящее время) R M P
2 л. ед.ч.	Ед.ч.	вер – э «делай ты это (SG)»	вер – л – эн «ты делаешь это (SG)»
	Дв.ч./ Мн.ч.	вер – алы «делай ты эти (DU/PL)»	вер – л – алан «ты делаешь эти (DU/PL)»
2 л. дв.ч.	Ед.ч.	вер – алн «делайте вы (DU) это (SG)»	вер – л – алн «вы (DU) делаете это (SG)»
	Дв.ч./ Мн.ч.	вер – алн « делайте вы (DU) эти (DU/PL)»	вер – л – алн «вы (DU) делаете эти (DU/PL)»
2 л. мн.ч.	Ед.ч.	вер – алн «делайте вы (PL) это (SG)»	вер – л – алн «вы (PL) делаете это (SG)»
	Дв.ч./ Мн.ч.	вер – алн «делайте вы (PL) эти (DU/PL)»	вер – л – алн «вы (PL) делаете эти (DU/PL)»

Категории времени и вида на количество императивных форм не влияют, однако категория залога увеличивает количество форм императива 3 л., совместного действия и 1 л. Все эти формы выражаются аналитически – при помощи сочетания частицы и форм настоящего-будущего времени. Формы 3 л. в западных диалектах образуются с помощью усилительной частицы *ат*, формы совместного действия и 1 л. – *сар*, *йа*, например: (срдноб.) *тув ат арий-т* «пусть он(а) поет», *тын ат арий-т-ангын* «пусть они (дв.ч.) поют» и *тыв ат арий-т-ыт* «пусть они (мн.ч.) поют»; формы совместного действия: для ед.ч. – (каз.) *я, омас-л-умн* «ну, сядем мы(дв.ч.)» и для мн.ч. – (каз.) *я, ман-л-ув* «ну, пойдем (мн.ч.)»; формы 1 л. – (каз.) *я, ман-л-ум сар* «ну, пойду-ка я». Частицы *ат*, *сар*, *йа* сочетаются со всеми формами императивной парадигмы.

Восточные диалекты образуют формы императива 3 л., совместного действия и 1 л. без частиц, например: (42) (тр.-ар.) «Пусть¹ они² теперь³ муку⁴ покупают⁵». *лжэ² ит³ рак⁴ вел-эт⁵*. [Ləy² it³ rak⁴wel-ət] или (43) *Ит³ лжэ² (чақа¹) рак⁴ вэлэт⁵*. [It³ ləy² (čaqa¹) rak⁴ wələt⁵]. Иногда для усиления императивного значения используется частица *чақа* или *чақа чэт*, которая может факультативно употребляться со всеми формами императивной парадигмы.

Полученные результаты представлены в виде семантических карт императива (см. схемы № 4, 5 и 6). При построении карт учитывались особенности средств выражения прохибитивных форм хантыйского языка. Все прохибитивные формы образуются идентичным способом: сочетанием отрицательной частицы и форм глагола, однако для центральных форм (2 л.) используется частица *ал* или *ат*, для всех остальных форм – *ант*.

Схема № 4. Семантическая карта императива хантыйского языка (западные диалекты, кроме среднеобского)

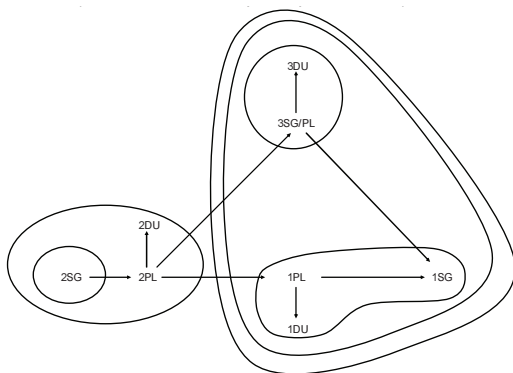

Схема № 4 представляет императивную модель западных диалектов за исключением среднеобского диалекта, схема которого, вследствие особенностей морфологического строя данного диалекта, будет рассмотрена далее. Характерной особенностью данной модели в сравнении с картой мансийского языка является наличие двух отделенных друг от друга непрерывных областей – формы 2 л. четко отграничены от форм 3 и 1 л.

Область, объединяющая формы 3 и 1 л, обозначена двойной линией с целью продемонстрировать совпадение этих форм по способу образования императива, а также по способу образования прохибитивных форм.

В области форм 2 л. выделяется форма ед.ч., чтобы отметить структурные особенности этих форм – форманты *-a*, *-e*, *-i* представляют собой редуцированные лично-числовые показатели.

Семантическая карта императива западных диалектов служит наглядным доказательством следующего положения – хантыйский язык утратил древнюю четырехкомпонентную модель императива, характерную для других языков финно-угорской группы, так как корни 3. л. не образуют единой зоны с формами 2 л. Следовательно, венгерская и мансийская модели императива более архаичны.

Обратимся теперь к данным восточных диалектов и представим их в виде семантической карты (см. схема № 5):

Схема № 5. Семантическая карта императива хантыйского языка (восточные диалекты)

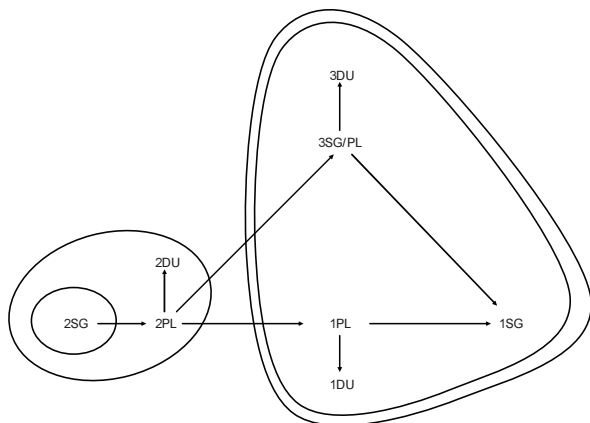
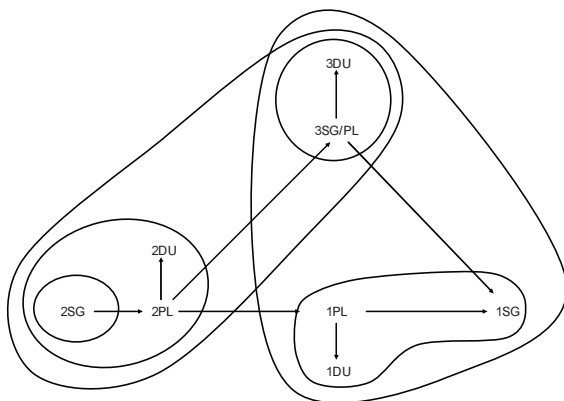

Схема № 5 во многом совпадает со схемой №4 – имеется в виду отсутствие зон пересечения выделенных областей. На наш взгляд это свидетельствует о том, что и в восточных диалектах, традиционно считающихся наиболее архаичными, древняя четырехкомпонентная модель не сохранилась. Также как и на схеме № 4 формы 3 и 1 л. выделены двойной линией, чтобы отметить сходство по способу образования форм императива и прохибитива.

В отношении форм 2 л. семантические карты восточных и западных диалектов полностью совпадают. Единственным отличием двух императивных парадигм, отмечаемым на семантических картах, является выделение на карте западных диалектов форм 3 и 1 л., что обусловлено исключительно слабой степенью грамматикализации этих форм в восточных диалектах.

Для среднеобского диалекта нами была составлена отдельная семантическая карта (см. схема № 6), вследствие следующей особенности среднеобского императива: частица *am*, которая маркирует формы императива 3 л., полностью совпадает с показателем прохибитива *am*. Хотя в этом конкретном случае мы имеем дело с омонимией языковых форм, данное языковое явление учитывается, так как представляет собой уникальный факт, по-своему характеризующий императивную систему среднеобского диалекта.

Схема № 6. Семантическая карта императива хантыйского языка
(среднеобский диалект)

Как следует из схемы № 6 императивная парадигма среднеобского диалекта полностью соответствует схеме № 4, что неудивительно, ведь этот диалект относится к западным диалектам. Явление омонимии иллюстрируется областью, объединяющей формы 2 и 3 л.

Представляется чрезвычайно любопытным следующее: карта императива среднеобского диалекта полностью совпадает с картой мансийского императива (см. схема № 7). Однако здесь мы имеем дело лишь со случайным совпадением, так как языковые процессы, иллюстрируемые при помощи семантических карт, не имеют ничего общего.

В четвертой главе «**Императив в мансийском языке**» анализируется материал трех диалектов мансийского языка – северного (сосьвинского), восточного (кондинского) и южного (тавдинского). Императивная парадигма восстанавливается до эталонной и сопоставляется с хантыйской и венгерской.

В мансийском языке, также как в хантыйском и венгерском, глагол имеет два ряда спряжения: безобъектного и объектного. Аналогично хантыйской глагольной парадигме категория числа представлена в мансийском оппозицией: единственного, двойственного и множественного, соответственно, общее количество глагольных словоформ составляет 27.

Как и в хантыйской в мансийской императивной парадигме синкретизация касается одной пары: форм 1 л. Таким образом, можно утверждать наличие обско-угорской модели императива, состоящей из 7 членов в отличие от шестичленной венгерской модели. Аналогично хантыйской мансийская императивная

парадигма включает синтетические и аналитические формы: формы 2 л. выражены синтетически, формы 3 л., совместного действия и 1 л. – аналитически.

Формы 2 л. образуются двумя способами: 1) при помощи основы глагола, например: (44) *min* «иди» или (45) *tuv suns* «смотри туда»; 2) при помощи сочетания основы глагола с личным суффиксом, например: (46) *min-en*, (47) *suns-en*. Императив мансийского языка немаркирован. В безобъектном спряжении форма 2 л. состоит из основы глагола + личное окончание 2 л. – (48) (сев.-манс.) *tot-en* «неси ты» и (49) *tot-ēn* «несите вы (дв./мн.ч)», а в объектном спряжении – из основы глагола + элемент, указывающий на определенный объект + личное окончание 2 л. – (50) (сев.-манс.) *tot-eln* «неси ты это», (51) *tot-ēyn* «неси ты эти (дв.ч.)», и т.д. Таким образом, мансийский язык унаследовал немаркированный способ выражения императива от уральского языка-основы.

Тем не менее, суффиксальный тип с эксплицитно выраженным показателем императива в прамансийском был, о чем свидетельствуют данные южного диалекта: (52) ср. (тавд.) *miñ-k-ēn* «иди», (53) *äl – k – ēn «убей», (54) *äl – k – in «убейте».

Особенностью мансийского императива является наличие пассивных форм императива не только для аналитических форм 3 л., совместного действия и 1 л., но и синтетических форм 2 л.: (55) *wos tot-aw-en* «пусть ты / вы будешь/ете увезенным(и)». Пассивные формы образуются сочетанием частицы (сев.-манс.) *wos* / (юж.-манс.) *uss* и глагольной словоформы: *корень+показатель пассива+личное окончание*.

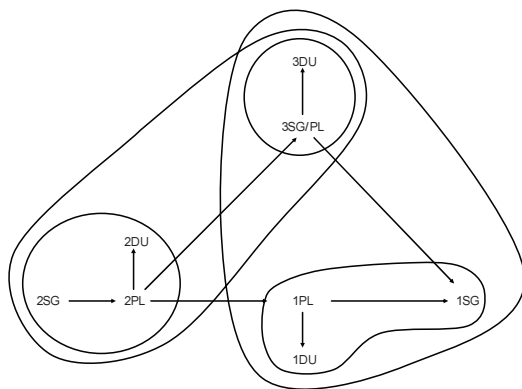
Формы 3 л. императива образуются сочетанием частицы *wos* и форм 3 л. настоящего-будущего времени: (56) (сев.-манс.) *wos toti* «пусть несет (он)», (57) *wos totey* «пусть несут (они=дв.ч.)», (58) *wos toteyit* «пусть несут (они=мн.ч.)», (59) (юж.-манс.) *uss miñi* «пусть идет».

Формы совместного действия и 1 л. образуются сочетанием частиц *poššaj*, *tawaj*, *tawajtë* и форм настоящего-будущего времени: (60) (сев.-манс.) *akim¹ oĵka¹, tūjtilyaxt-i-mēn²* «Дедушка¹, поиграем² в прятки», (61) *Koļā¹, tawaj² lowintil-mēn³* «Коля¹, давай² подсчитаем³». Хотя в русском языке *poššaj*, *tawaj*, *tawajtë* являются формами глагола, носители мансийского языка переняли эту частицу как бы в застывшем виде, не чувствуя их связь с производящими глаголами. Таким образом, формула образования форм совместного действия и 1 л. имеет следующий вид: (частица) + форма настоящего-будущего времени.

В результате проведенного исследования была составлена карта мансийского императива, которая имеет следующий вид (см. схема № 7):

Схема № 7. Семантическая карта императива мансийского языка

На карте мансийского языка (схема № 7), прежде всего, нами выделяется область вершины императивной парадигмы (формы 2 л.), так как именно эти формы маркируются синтетическим способом – в самой глагольной словоформе. Формы 3 и 1 л. объединены на карте в единую область, так как образуются идентичным способом – при помощи сочетания частиц неглагольного происхождения и личных форм глагола настоящего времени. Тем не менее, внутри этой единой области формы 3 и 1 л. выделяются нами в отдельные зоны, так как при образовании императивных форм этих лиц используются разные частицы: *wos/ woss (uss / usʒ)* – для форм 3 л., *poššaj, tawaj, tawajtʲe, cap* - для форм 1 л.

Формы 2 и 3 л. выделяются нами, вследствие того обстоятельства, что пассивные формы 2 л. императива и формы 3 л. образуются при помощи частицы *wos*.

В результате семантическая карта императива мансийского языка позволяет нам констатировать достаточную степень однородности императивной парадигмы мансийского языка, так как на карте можно выделить две области непрерывности, а также зону, где эти области перекрещиваются (формы 3 л.). Наличие этой зоны пересечения существенным образом отличает карту мансийского императива от карт венгерского и хантыйского языков.

Кроме того, семантическая карта служит наглядным подтверждением положения о том, что первоначально мансийская императивная парадигма включала четыре компонента (т.е. формы 2 и 3 л.), как и другие языки финно-угорской семьи, и, следовательно, согласно утверждению авторов эталонной парадигмы, именно эти формы являются первичными, а формы 1 л. – вторичными в системе императива мансийского языка.

Мы считаем, что и в хантыйском языке, и в мансийском, из двух древних способов маркирования императива ведущим стал способ с нулевым показателем.

В **Заключении** обобщаются основные результаты исследования и формулируются выводы.

1. Императивные парадигмы хантыйского и мансийского языков включают порядка 27 форм, из которых только формы 2 л. образуются синтетически, формы 3 л., совместного действия и 1 л. образуются аналитическим путем. Формы пассива также образуются аналитическим путем и в хантыйском и в мансийском языке. В целом, в обско-угорских языках императивная парадигма включает 7 членов, в то время как венгерская парадигма состоит из 6. Разница в количественном составе императива хантыйского и мансийского языков обусловлена наличием категории двойственного числа.

2. Межъязыковое сопоставление императивных парадигм показало, что в угорских языках существуют две модели развития императива: венгерская, которая использует эксплицитно выраженный суффиксальный маркер императива, и обско-угорская, которая использует нулевой показатель для выражения центральных форм (2 л.) и аналитический способ для выражения форм 3 и 1 лиц. Аналитическая конструкция образуется путем сочетания частицы неглагольного происхождения и форм индикатива, суффиксальный способ был унаследован угорскими языками от уральского языка-основы.

В хантыйском языке можно выделить два подтипа обско-угорской модели: первый, характерный для западных диалектов, и второй, характерный для восточных диалектов. Эти подтипы различаются по способу образования форм 3 и 1 лиц: в западных диалектах используется аналитическая конструкция *частица (неглагольного происхождения) + формы настоящее-будущего времени*. В восточных диалектах для образования форм 3 и 1 лиц используются формы настоящего-будущего времени без частицы (употребление частицы факультативно).

3. С исторической точки зрения венгерская и мансийская императивные парадигмы являются более архаичными по сравнению с хантыйской. Об этом свидетельствует типологическая характеристика, основанная на известной семантической карте императива, которая констатирует, что хантыйский язык утратил древнюю четырехкомпонентную модель императива, характерную для других языков финно-угорской семьи.

Императивные парадигмы обско-угорских языков менее однородны и структурно более сложно устроены, чем венгерская. Впрочем, внутри императивной парадигмы каждого из обско-угорских языков определенная доля однородности все же имеется, что можно наблюдать на соответствующих семантических картах.

4. На современном этапе развития в венгерской и хантыйской императивных парадигмах преобладает закономерность, согласно которой наблюдается редукция императивной словоформы. Следует отметить, что в современном венгерском языке форма без *-j* является более употребительной. На эту тенденцию указывают многие исследователи, можно выделить по императивному спряжению в зависимости от фонетической структуры основ 4 группы глаголов, из них только одна группа сохраняет показатель в чистом виде – эту группу образуют глаголы с неизменяемой основой. В трех других *-j* либо выпадает, либо ассимилируется и сливается с основой. Таким образом, можно констатировать наличие в венгерском языке фонетических процессов, способствующих постепенному исчезновению показателя императива *-j*.

Помимо фонетических процессов в современной венгерской и хантыйской императивных парадигмах преобладает закономерность, согласно которой наблюдается редукция центральной словоформы, что в конечном итоге может привести к полной замене древнего суффикса нулевым показателем императива в венгерском языке.

Учитывая тот факт, что способ нулевого маркирования императива является ведущим в обско-угорских языках, а также принимая во внимание особенности современных языковых процессов венгерского языка, приходим к выводу, что угорские языки на современном этапе развития демонстрируют тенденцию к нулевому маркированию императива.

Список сокращений

каз. – казымский диалект хантыйского языка; обд. – обдорский диалект хантыйского языка; сев.-манс. – северные диалекты мансийского языка; срдноб. – среднеобский диалект хантыйского языка; сург. – сургутский диалект хантыйского языка; тавд. – тавдинский диалект мансийского языка; тр.-аг. – тром-аганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; хант. (вост.) – восточный диалект хантыйского языка; хант. (зап.) – западный диалект хантыйского языка; юж.-манс. – южные диалекты мансийского языка; 2 л. – второе лицо; 1 л. – первое лицо; 3 л. – третье лицо; DU – показатель двойственного числа; PL. – показатель множественного числа; SG – показатель единственного числа.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Диденко А.В. Императив в угорских языках // Межкультурная коммуникация: теория и практика: Материалы V Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А. Качалова – Томск: ТПУ, 2005. – С. 72–83.
2. Диденко А.В. Универсальная парадигма императива // Лингвистические и культурологические традиции образования. Тезисы V Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А. Качалова. – Томск: ТПУ, 2005. – С. 39–41.
3. Диденко А.В. Угорская императивная парадигма // Вестник ТГПУ, 2006. Вып. № 4 (55). – С. 162–166.
4. Диденко А.В. Обско-угорский императив // X Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». – Том 2. Часть 2. Филология. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 40–47.

Подписано в печать: 16.11.2006 г. Бумага: офсетная

Тираж: 100 экз.

Печать: трафаретная

Формат: 60×84/16

Усл. печ. л.: 1,39

Заказ: 208/Н

Издательство

Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93

e-mail: publish@tspu.edu.ru

